

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Департамент частного права

(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки/специальности)

Гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему Институт исковой давности в гражданском праве

Обучающийся

А.А. Салиманова

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Д.С. Кузьмин

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Аннотация

Тема исследования посвящена институту исковой давности в гражданском праве, который играет ключевую роль в обеспечении баланса между принципами правовой определенности и доступности судебной защиты. Актуальность выбранной темы обусловлена существующими проблемами толкования и применения норм об исковой давности в судебной практике, неоднородностью подходов судов при определении момента начала течения срока, а также потребностью в совершенствовании законодательства с целью устранения пробелов и коллизий. Кроме того, повышенное внимание к данной проблематике связано с развитием экономического оборота и необходимостью обеспечения его устойчивости и предсказуемости.

Целью исследования является всесторонний и глубокий анализ института исковой давности в гражданском праве и выработка предложений по совершенствованию норм законодательства, регулирующих данный институт. Для достижения этой цели в работе были поставлены и решены задачи: изучить правовую природу института исковой давности, определить его понятие и назначение, охарактеризовать виды и их правовое значение, рассмотреть правила о начале, приостановлении, перерыве и восстановлении сроков, определить последствия истечения исковой давности, выявить проблемы применения норм в судебной практике, а также обозначить тенденции и перспективы развития.

Структурно исследование включает введение, три раздела, объединяющие семь подразделов, заключение и список используемых источников. Первый раздел посвящен исковой давности как институту гражданского права, во втором рассмотрено правовое регулирование исковой давности, а третий раздел раскрывает практические аспекты применения института исковой давности в судебной практике и анализирует перспективы дальнейшего развития. Объем работы составляет 57 страниц.

Содержание

Введение.....	4
1 Исковая давность как институт гражданского права	7
1.1 Правовая природа института исковой давности.....	7
1.2 Понятие и назначение исковой давности в гражданском праве	13
2 Правовое регулирование исковой давности в гражданском праве.....	20
2.1 Виды исковой давности и их правовое значение	20
2.2 Начало, приостановление, перерыв и восстановление сроков исковой давности	24
2.3 Последствия истечения исковой давности.....	30
3 Практические аспекты применения института исковой давности	34
3.1 Проблемы применения норм об исковой давности в судебной практике	34
3.2 Тенденции и перспективы развития института исковой давности в гражданском праве.....	43
Заключение	50
Список используемой литературы и используемых источников.....	52

Введение

Актуальность исследования. Исковая давность является институтом материального права и представляет собой срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Это период времени, по истечении которого по заявлению ответчика и/или третьего лица, к которому возможно предъявление регрессного требования, суд выносит решение об отказе в иске.

Интересы защиты права собственности и стабильности гражданского оборота определяют не только установление судебного контроля за обоснованностью имущественных притязаний одних лиц к другим, но и введение в правовое регулирование норм, которые позволяют одной из сторон блокировать судебное разрешение имущественного спора по существу, если другая сторона обратилась за защитой своих прав спустя значительное время после того, как ей стало известно о том, что ее права нарушены.

После внесения в ст. 196 ГК РФ изменений Федеральным законом от 07.05.2013 N 100-ФЗ общий срок исковой давности был разделен на общий субъективный (3 года со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права) и объективный (10 лет со дня нарушения права) [19]. Кроме того, после введения в 2013 г. правила о надлежащем ответчике фактически произошла значимая модернизация работы института, удлинились сроки обращения в суд за защитой нарушенных прав, так как начало течения срока исковой давности стало связанным со знанием о личности ответчика.

Институт исковой давности является плодотворной почвой для научных исследований, в частности по вопросам соотношения понятий "исковая давность" и "сроки обращения в суд"; дифференциации сроков исковой давности для различных правоотношений; возможности изменения сроков исковой давности соглашением сторон; полномочий представителя должника на совершение действий, свидетельствующих о признании долга; совокупности обстоятельств, требуемых для определения начала течения срока исковой давности, определения срока исковой давности по регрессным

обязательствам. Все эти и множество других вопросов можно объединить в проблему качественного, сущностного, цельного изменения института исковой давности, обусловленного необходимостью обеспечить стабильность отношений участников гражданского оборота, однако не в ущерб частным интересам добросовестных истцов.

Не меньше вопросов возникает и в практике применения норм института исковой давности. В связи с этим представляется интерес в изучении применения исковой давности в гражданском праве.

Объект исследования – общественные отношения, связанные с применением исковой давности как института гражданского права.

Предмет исследования – правовые нормы, регулирующие применение института исковой давности в гражданско-правовых отношениях.

Целью исследования является всесторонний и глубокий анализ и исследование института исковой давности в гражданском праве, а также выработка предложений по совершенствованию норм законодательства, восполняющих правовые пробелы в нормах гражданского законодательства.

Задачи исследования:

1. Изучить правовую природу института исковой давности.
2. Определить понятие и назначение исковой давности в гражданском праве.
3. Охарактеризовать виды исковой давности и их правовое значение.
4. Рассмотреть начало, приостановление, перерыв и восстановление сроков исковой давности.
5. Определить последствия истечения исковой давности.
6. Охарактеризовать проблемы применения норм об исковой давности в судебной практике.
7. Проанализировать тенденции и перспективы развития института исковой давности в гражданском праве.

Научная новизна исследования состоит в подробном анализе института исковой давности в гражданском праве и в разработке рекомендаций,

направленных на совершенствование норм гражданского законодательства об исковой давности.

Теоретическая значимость заключается в том, что на основе всестороннего изучения института исковой давности, анализа фундаментальных трудов ученых-цивилистов и судебной практики были выдвинуты предложения по доработке некоторых норм гражданского законодательства об исковой давности. Решения, сформулированные автором в результате исследования данного института, позволяют устранить ряд недостаточно изученных теоретико-практических проблем и восполнить правовые пробелы в гражданском законодательстве.

Практическая значимость заключается в возможности применения выдвинутых предложений по совершенствованию института исковой давности в гражданском праве на практике.

Структура работы. Данная работа состоит из введения, трех разделов, объединяющих семь подразделов, заключения и списка используемых источников.

1 Исковая давность как институт гражданского права

1.1 Правовая природа института исковой давности

При рассмотрении института исковой давности сквозь призму теоретико-правового анализа возникает необходимость выявления его правовой природы, что представляет собой ключ к пониманию функционального значения данного механизма в системе гражданского права. Следует подчеркнуть, что исковая давность одновременно носит признаки как материально-правового института, поскольку ограничивает возможность реализации субъективного права, так и процессуального, учитывая её непосредственную связь с доступом к правосудию. Кроме того, данный институт выполняет не только регулятивную, но и охранительную функцию, способствуя обеспечению устойчивости гражданского оборота, баланса интересов сторон и защиты принципа правовой определенности. В этой связи необходимо более детально рассмотреть сущностные характеристики исковой давности, проанализировать её цели, правовую природу и место в системе частноправового регулирования.

Исковая давность как правовой институт рассматривается в правовой доктрине вместе со сроками, которые в системе юридических фактов относят к событиям, которые наступают вне зависимости от воли субъектов права. В контексте сроков в статье Сайдумова Д.Х. прослеживается эволюция правового регулирования сроков, начиная с древнейших времен и заканчивая современным этапом. Авторы обоснованно акцентируют внимание на важности сроков как инструмента, обеспечивающего устойчивость и предсказуемость правовых последствий. Анализ историко-правовой ретроспективы подчеркивает, что даже в первобытных обществах временные параметры регулировали поведение, а в Римском праве уже формировалась концепция сроков в материальном и процессуальном праве [41]. Важным вкладом является также анализ влияния религиозных представлений на сроки

в праве, что подчеркивает междисциплинарный подход исследователей. Тем не менее, отдельные положения статьи вызывают дискуссию. Например, авторы несколько упрощают современные представления о сроках, концентрируясь в основном на формальных аспектах, тогда как в современной правовой науке возрастает значение категорий добросовестности и гибкости сроков, особенно в контексте частного права. Более того, представляется спорной их позиция, предполагающая почти линейное развитие института сроков от архаических форм к современным, без учета колебаний и регресса в отдельных правопорядках.

К.Г. Савин в диссертационном исследовании рассматривает зачатки схожего с исковой давности правового института в Древней Греции на основе речей афинского оратора Демосфена, где среди аргументов в защиту лица содержалась позиция: «пяти лет совершенно достаточно, чтобы потерпевшие несправедливость смогли добиться возмещения урона». Автор рассматривает сроки обращения за защитой прав в 5 лет, и 20 лет для лиц, которые после достижения совершеннолетия вчиняют иск к наследникам опекуна о ненадлежащем исполнении последним своих обязанностей [40]. Однако, в древнегреческом праве отсутствовал единый закон о временном ограничении предъявления требований в суд. В связи с этим традиционно начало института исковой давности относят к римскому праву.

Развитие института исковой давности в римском праве представляет собой одну из важнейших вех в формировании современных представлений о временных границах осуществления субъективных прав. Уже на ранних этапах становления римской правовой системы исковая давность выполняла функцию стабилизации имущественных отношений и защиты добросовестных участников оборота. В классическом римском праве исковой давности не было, все иски считались постоянными, т.е. первоначально в римском праве господствовала концепция пресекательных сроков, при истечении которых прекращалось само право. При императоре Юстиниане, правившем в V веке н. э., стало преобладать понимание давности как утраты

лишь возможности судебной защиты, где для личных и вещных претензий был установлен одинаковый срок исковой давности – 30 лет, а для церковных и богоугодных учреждений – 40 лет. Таким образом, исковая давность приобрела значение погашения возможности процессуальной защиты права вследствие неосуществления защиты заинтересованным лицом в течении известного времени [39, с. 104].

Мотивы введения института исковой давности формировались под влиянием стремления правопорядка обеспечить баланс между интересами участников частноправовых отношений и потребностью в стабильности и предсказуемости гражданского оборота. Основопологающим стимулом для признания ограниченного срока судебной защиты стала защита интересов должника, прежде всего в доказательственном аспекте – с течением времени становится всё сложнее подтвердить обстоятельства исполнения или неисполнения обязательств, а судебное разбирательство по давним фактам сопряжено с высоким риском правовой ошибки. Помимо этого, значимым является интерес в достижении правовой определённости, а именно – ни один участник оборота не должен неопределённо долго пребывать в состоянии угрозы предъявления к нему требований.

Кроме того, исковая давность выполняет важную публичную функцию, выходящую за пределы частных интересов сторон. Государство заинтересовано в том, чтобы споры разрешались своевременно, не обременяя судебную систему многолетними разбирательствами, не создавая неопределённости правового статуса имущества и не затрудняя экономическую активность участников гражданского оборота. Давность способствует упорядочению социальной и экономической жизни, устраняя риски, связанные с длительным сохранением потенциальных притязаний. Наконец, она дисциплинирует кредитора, побуждая его к активной защите своего права в пределах разумного срока. Вместе с тем, как отмечается в правовой доктрине, исковая давность базируется не столько на идеалах справедливости, сколько на юридико-политической целесообразности,

представляя собой компромисс между эффективностью, стабильностью и справедливостью, при котором предпочтение отдается общесистемным целям устойчивого правопорядка.

Истоки развития института давности в русском праве, по мнению И.Е. Энгельмана, восходят к нормам, зафиксированным в «Псковской судной грамоте», где был впервые системно оформлен механизм приобретения права собственности на земельный участок в результате длительного, непрерывного и фактического владения [46]. Следует отметить, что речь шла не об исковой давности как ограничении срока защиты права в суде, а о давности владения – специфической форме легитимации имущественного господства, основанной на длительном пользовании, обработке и наличии внешних признаков намерения установить собственнический контроль. Русская давность XIII века представляет собой архетип раннего института приобретения права через фактическое и общественно признанное овладение, которое по своей сути близко римской конструкции узаконивания, но адаптировано к местной социально-экономической среде. Такая модель регулирования отражала приоритет материального труда и полезного хозяйственного пользования над формальной титульной принадлежностью, что соответствовало экономическим реалиям и правосознанию того времени. Установление права основывалось не столько на юридическом акте передачи, сколько на непрерывности фактического обладания, подтверждённого свидетельскими показаниями. Именно в условиях слабо развитой правовой документации и слабой формализации имущественных отношений давность владения выполняла роль не только юридического доказательства, но и механизма правовой трансформации фактического владения в законное право собственности.

В российском праве первое упоминание исковой давности А.А. Егорова связывает с грамотой князя Василия I Дмитриевича, которые содержали нормы о спорах, касающихся земельной и водной собственности, которые должны разбираться не более чем 15 лет [11].

Акцентируя внимание на этапах развития института исковой давности в гражданском праве, следует обратить внимание на позицию А.С. Васиькиной, которая чётко обозначает важные вехи развития: от Судебника 1497 года и правовых реформ Ивана III до советских и постсоветских изменений. Особенно интересным представляется её внимание к нормативному оформлению института исковой давности в ГК РСФСР 1922 и 1964 годов и современном ГК РФ. Автор подчеркивает, что внедрение специального десятилетнего максимального срока давности с 2013 года служит целям стабилизации гражданского оборота и защиты добросовестных приобретателей. При этом также подчеркивается заимствование ключевых элементов исковой давности, такие как срок, основания приостановления и восстановления, критерии начала течения, из римской правовой традиции, в особенности с указа императора Феодосия 425 года [3]. А.С. Васикина подчеркивает трансформацию правового регулирования с учетом политико-правовых изменений в государстве на примере 1917 года, в то же время подход к рецепции римского права можно оценить как схематичный – не вдаваясь в подробности адаптации римских норм в условиях специфики российской правовой культуры.

Анализируя позицию А.В. Потеевой, исследующую историко-правовой подход к развитию института исковой давности, прослеживается эволюция исковой давности от домонгольского периода до советского времени, акцентируя внимание на влиянии политико-правовых трансформаций на механизм ее исчисления [38]. В исследовании подчеркивается, как изменение концепции времени и правовой ментальности в разные эпохи определяло восприятие давности не только как технического инструмента, но и как выражения принципа правовой определенности. Особенно интересна ее трактовка римского наследия и критическая оценка механического заимствования западноевропейских моделей в XIX веке. Однако можно спорить с чрезмерной акцентуацией на идее «обратного отсчета» как ключевого отличия российского подхода: в ряде случаев это выглядит скорее

следствием специфики правовой культуры, чем сознательного нормативного выбора. Авторская позиция по вопросу начала течения срока давности как отражения баланса между интересами истца и ответчика представляется обоснованной и логически выстроенной. Однако в некоторых местах А.В. Потеева ограничивается констатацией нормативных изменений, не раскрывая до конца мотивацию законодателя или правоприменителя при анализе дореволюционного периода. В то же время ценным является обращение к первоисточникам и нормативным актам различных эпох, что усиливает научную обоснованность изложения.

Правовая природа института исковой давности в системе современного российского гражданского права носит комплексный и многоаспектный характер. С одной стороны, данный институт традиционно рассматривается как элемент материального права, поскольку установленный законом срок ограничивает возможность субъекта реализовать своё право на защиту в судебном порядке.

Исковая давность, следовательно, выступает ограничителем реализации субъективного гражданского права и служит мерой, направленной на обеспечение стабильности имущественных отношений. Вместе с тем она не влияет на само существование нарушенного права, а лишь лишает его судебной защиты после истечения установленного законом срока, если другая сторона заявит об этом. Таким образом, норма об исковой давности закрепляет не прекращение субъективного права, а трансформацию механизма его защиты, что позволяет говорить о материально-процессуальной двойственности рассматриваемого института.

С другой стороны, в условиях современного правового регулирования исковая давность приобретает признаки правового инструмента, обеспечивающего соблюдение принципов правовой определенности, предсказуемости поведения участников оборота и доверия к институтам правосудия. Благодаря возможности применять давностные ограничения только при наличии заявления заинтересованной стороны, проявляется

диспозитивный элемент в конструкции данного института. Более того, допущение приостановления, перерыва и восстановления сроков в исключительных случаях подтверждает гибкость правового механизма и его привязанность к конкретным жизненным ситуациям. Таким образом, в современном российском праве исковая давность не сводится к формальному исчислению сроков, а представляет собой важнейший правовой инструмент, служащий не только целям индивидуальной защиты, но и задачам системного упорядочивания гражданского оборота.

1.2 Понятие и назначение исковой давности в гражданском праве

Вопрос о понятии и назначении исковой давности в гражданском праве представляет собой фундаментальный элемент в теоретическом осмыслении механизма защиты субъективных гражданских прав. Ввиду сложности правовой природы данного института требуется комплексный анализ его содержания и функционального значения. Следует подчеркнуть, что исковая давность не затрагивает само материальное право, а ограничивает возможность его судебной защиты, что позволяет квалифицировать её как инструмент балансировки частных и публичных интересов. Кроме того, институциональная роль исковой давности выходит за рамки формального ограничения сроков обращения в суд, выполняя важные социально-правовые задачи, включая стимулирование активного осуществления прав и предотвращение неопределенности в правовых отношениях. В связи с этим актуальным становится рассмотрение доктринальных и нормативных подходов к определению исковой давности и выявление её целевого назначения в системе гражданского права.

Действующее гражданское законодательство закрепляет исковую давность в качестве диспозитивного института, регулирующего рамки допустимого обращения за судебной защитой. Согласно положению статьи 195 Гражданского кодекса РФ, исковая давность представляет собой срок для

защиты права по иску лица, чьё право нарушено. Данное легальное определение отражает концептуальный подход законодателя, при котором исковая давность функционирует не как средство прекращения субъективного права, а как временное ограничение возможности его принудительного судебного осуществления. При этом в статье 196 ГК РФ устанавливается общий срок исковой давности в три года, а в статье 200 конкретизируются условия начала его течения – с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком.

А.А. Манукян в исследовании, посвященном правовым аспектам срока исковой давности, представляет анализ института исковой давности как межотраслевого механизма, сочетающего в себе черты как материального, так и процессуального права. Автор критикует позицию законодателя в ст. 195-196 ГК РФ, подчеркивая, что современное определение исковой давности как «срока для обращения в суд» не отражает всей сложности правового регулирования. Манукян предлагает рассматривать исковую давность не как формальный временной ориентир, а как элемент, органично связывающий субъективное право, интерес и механизм его принудительной защиты или утраты. Автор делает акцент на диалектическом характере зависимости между давностью и ответственностью, что позволяет оценивать исковую давность не только как технический инструмент, что расширяет традиционные рамки понимания института [14]. Однако спорным представляется определённый акцент автора на «процессуализации» исковой давности. Хотя в ряде случаев (автором приводятся примеры в административном и антикоррупционном производстве) давность действительно приобретает черты процессуального срока, данная тенденция не должна подрывать её материально-правовую сущность, поскольку именно в сфере частноправовых отношений она выступает гарантом стабильности гражданского оборота. А.А. Манукян иллюстрирует проблему двойственности судебной практики и подводит к

позиции Конституционного Суда РФ, исключающего возможность применения исковой давности к антикоррупционным искам.

А.М. Рабец в своей работе основывает подход к пониманию исковой давности на том, что она выполняет двуединую роль – как гарантию баланса между интересами истца и ответчика, так и как способ поддержания стабильности гражданского оборота. Автор справедливо указывает на необходимость учета объективных причин, по которым правообладатель не может сразу обратиться за защитой, наряду с разумной обязанностью проявлять активность в защите своего нарушенного права [7]. В данном контексте предложенная трактовка различия между правом на иск в процессуальном и материальном смысле. Она корректно указывает на то, что истечение срока давности не лишает лицо возможности подать иск (процессуальное право сохраняется), но влечет утрату шансов на его удовлетворение (материальное право). Данное разграничение демонстрирует понимание правовой природы давности как института не защиты, а лимитации судебной возможности. Вместе с тем, представляется спорным суждение о том, что исковая давность защищает не только нарушенные, но и оспариваемые права — такое расширительное толкование может повлечь смешение исковой давности с иными категориями процессуального времени. На наш взгляд, институциональную чистоту следует сохранять, подчеркивая, что исковая давность применяется к субъективным правам, нарушенным или реально подверженным угрозе, а не к потенциальным спорам о праве.

А.Н. Жданова справедливо обращает внимание на двойственный характер института исковой давности, выделяя его как в объективном, так и в субъективном аспекте. В объективной плоскости исковая давность предстает как структурно оформленный элемент гражданско-правового регулирования, включающий совокупность норм, направленных на упорядочение общественных отношений, связанных с возможностью реализации правовой защиты в течение установленного временного интервала. В субъективном же значении под исковой давностью следует понимать закреплённую за

участником гражданских правоотношений возможность инициировать судебную защиту нарушенного права в пределах установленного законом срока, при наличии определённых предпосылок [12]. С данными положениями сложно не согласиться, поскольку п. 1 ст. 196 ГК РФ, которая в системной связи с п. 1 ст. 200 ГК РФ устанавливает критерии начала исчисления срока исковой давности, исходя из наличия двух условий: лицо осознаёт факт нарушения своего права и, одновременно, обладает информацией о субъекте, допустившем это нарушение. Наряду с субъективным сроком в правоприменительной и научной практике выделяется и объективный (или максимальный) срок исковой давности, который начинает отсчитываться с момента фактического нарушения права, вне зависимости от осведомленности потерпевшего. При этом законодатель может установить иные юридически значимые моменты начала течения объективного срока. Например, в статье 181 ГК РФ предусмотрено, что для лиц, не являющихся сторонами оспариваемой сделки, срок предъявления требований об её недействительности ограничивается десятью годами с момента начала исполнения сделки, а не с момента возникновения нарушенного права. Это свидетельствует о том, что законодатель, определяя правовую конструкцию объективного срока, исходит не только из логики правонарушения, но и из необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота. Таким образом, объективный срок исковой давности представляет собой верхнюю временную границу, в пределах которой может быть реализовано право на судебную защиту. Субъективный срок, в свою очередь, может возникнуть на любом этапе в рамках действия объективного срока, но не имеет права выходить за его пределы. Следовательно, объективный срок выступает в качестве императивного ограничения, служащего обеспечению баланса между интересами добросовестных участников гражданского оборота и необходимостью своевременного реагирования на нарушение прав.

Я.А. Стролис приходит к выводам, что «по истечению срока исковой давности нарушенное право продолжает существовать, однако утрачивается

возможность требовать в судебном порядке принудительного исполнения корреспондирующей обязанности» [42]. В данном случае автор утрачивает важный момент – говоря о процессуальной реализации истекшего срока исковой давности, сторона разбирательства имеет право ходатайствовать об данном обстоятельстве, однако при отсутствии соответствующего прошения суду, факт истечения срока давности судом не учитывается и решение по делу принимается в общем порядке, поскольку п. 2 ст. 199 ГК РФ закрепляет применение данного института только по заявлению стороны в споре [4]. Как отмечает С.Э. Маслей, «Судья по своей инициативе не вправе поднимать вопрос об истечении срока исковой давности – это будет грубейшей профессиональной ошибкой, по сути – нарушением судьей закона» [16]. Таким образом, можно констатировать, что если ответчик не требует применения срока исковой давности, суд по своей инициативе не имеет права самостоятельно применить последствия истечения сроков исковой давности для отказа в иске.

Сочетание императивного и диспозитивного методов правового регулирования института исковой давности в гражданском законодательстве представляется необходимым элементом правовой конструкции, обеспечивающим баланс между принципами правовой определенности, стабильности гражданского оборота и справедливостью в защите прав и законных интересов сторон.

Императивный характер ряда положений (например, невозможность изменения продолжительности сроков исковой давности соглашением сторон в ст. 198 ГК РФ) служит гарантом недопущения злоупотреблений и произвольного изменения основополагающих параметров правового режима защиты.

Вместе с тем, диспозитивные элементы регулирования, проявляющиеся, в частности, в возможности ответчика заявить о применении исковой давности (ст. 199 ГК РФ), формируют пространство для реализации принципа автономии воли участников частноправовых отношений. Подобный подход

позволяет адаптировать применение нормы к индивидуальным особенностям конкретного дела, учитывая добросовестность сторон, характер нарушения и иные обстоятельства. Такая гибкость способствует повышению уровня справедливости при разрешении споров, позволяя суду, при отсутствии заявления ответчика, не применять давность автоматически.

Рассматривая назначение исковой давности, можно обратиться к статье Е.А. Мартынюк, где автор уделяет особое внимание значению исковой давности как правового механизма, обеспечивающего упорядоченность гражданских правоотношений и правовую стабильность. Мартынюк рассматривает исковую давность как инструмент, побуждающий участников гражданского оборота добросовестно и своевременно реализовывать свои права, повышая таким образом уровень юридической дисциплины. При этом автор также указывает, что истечение срока исковой давности может быть применено судом лишь по заявлению ответчика, что подтверждает диспозитивный характер применения норм об исковой давности [15]. В отношении функций института можно выделять регулятивную и охранительную функцию, которая защите интересов субъектов спорных правоотношений.

Таким образом, срок исковой давности в гражданском праве представляет собой установленный законом временной предел, в течение которого лицо, чье право нарушено, вправе реализовать его защиту в судебном порядке. Данный институт носит комплексный характер и включает как материально-правовые, так и процессуальные элементы.

С одной стороны, он ограничивает по времени возможность обращения за судебной защитой, тем самым дисциплинируя участников гражданского оборота, побуждая их к своевременной защите своих прав и интересов.

С другой стороны, исковая давность является инструментом охраны стабильности правопорядка, обеспечивая предсказуемость последствий и неизменность правовых состояний по прошествии установленного срока.

В свою очередь назначение исковой давности заключается в обеспечении баланса между интересами потерпевшего и лица, привлекаемого к ответственности, что служит правовой гарантией того, что после определенного периода времени правоотношения не могут быть пересмотрены в судебном порядке, что позволяет участникам гражданского оборота планировать свои действия и рассчитывать на устойчивость правового результата. Тем самым исковая давность выполняет как правозащитную, так и стабилизирующую функцию, предотвращая неопределенность, возникающую в связи с возможностью предъявления исковых требований спустя значительное время после правонарушения.

2 Правовое регулирование исковой давности в гражданском праве

2.1 Виды исковой давности и их правовое значение

Современное гражданское законодательство предусматривает разграничение исковой давности на несколько видов, где в основе классификации лежит установление общего срока исковой давности, который, согласно действующей редакции ст. 196 ГК РФ, состоит из двух элементов: субъективного и объективного. Субъективный срок ограничен тремя годами и отсчитывается с момента, когда потерпевшее лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, а также о лице, которое подлежит привлечению в качестве ответчика. В свою очередь, объективный предел составляет десять лет с момента фактического нарушения права, вне зависимости от осведомленности лица о наступивших последствиях [4].

Особую значимость приобретают случаи, в которых общее правило о применении сроков исковой давности не действует. В качестве такого исключения можно привести Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ "О противодействии терроризму", где на перечисленные в ст. 18 случаи не распространяются требования об исковой давности, а применяется институт сроков давности привлечения к уголовно-правовой ответственности [24]. В частности, в соответствии с позицией, сформулированной Конституционным Судом РФ в Постановлении от 31 октября 2024 года № 49-П, исковая давность не распространяется на требования прокурора, связанные с изъятием в доход государства имущества, полученного в результате нарушения антикоррупционных норм лицами, занимающими публично значимые должности. Такая правовая конструкция обоснована тем, что цели данной процедуры носят не частноправовой, а публичный характер [36]. Изъятие имущества, приобретенного в результате коррупционных действий, не является способом защиты субъективных гражданских прав, а представляет собой юридическую санкцию – негативное последствие противоправного

поведения, направленное на обеспечение публичных интересов и восстановление доверия к государственной власти.

Также рассматривая применение общего срока исковой давности представляется интересным кейс Второго КСОЮ в Определении от 14.03.2024 N 88-5627, где рассматривается спор между физическим лицом (истцом) и муниципальным органом по вопросу признания недействительными кадастровых действий, повлекших изменение сведений о площади земельного участка [27]. Суть дела заключается в оспаривании правомерности действий кадастрового инженера и внесения соответствующих изменений в ЕГРН, повлекших уменьшение площади участка, находящегося в собственности заявителя. Ключевым моментом стало рассмотрение вопроса о применении исковой давности. В рассматриваемом деле применение института исковой давности оказалось напрямую обусловлено индивидуальными особенностями восприятия и поведения конкретного субъекта гражданских правоотношений, а именно на том, что начало течения срока исковой давности должно определяться не абстрактным моментом внесения сведений в публичный реестр, а исходя из фактической осведомлённости конкретного гражданина о нарушении его прав либо объективной возможности получить такую информацию. Суд указал, что моментом, с которого следует исчислять срок для обращения в суд, является дата, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своих прав. Несмотря на то что изменения в ЕГРН были внесены в 2016 году, заявитель узнал об этом только в 2021 году в ходе оформления наследственных прав, что стало основанием для признания срока исковой давности не пропущенным. Таким образом, правовая оценка была дана с учетом личной ситуации истца, включающей обстоятельства, при которых он впервые узнал об изменении характеристик принадлежащего ему имущества, что свидетельствует о персонифицированном подходе к исчислению сроков давности и признанию субъективного элемента как определяющего при защите нарушенного права.

В данной ситуации коллегия судей соглашается с решениями предыдущих инстанций, связанных с применением положений ст. 200 ГК РФ, а именно: срок исковой давности начинает течь с того момента, когда истец узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Таким образом, суд подчеркнул, что формальное внесение сведений в реестр не является безусловным основанием считать, что лицо сразу же должно было об этом узнать. Кроме того, суд акцентировал внимание на том, что публичные реестры, несмотря на их доступность, не предполагают обязанности гражданина осуществлять постоянный мониторинг информации, относящейся к его собственности. С учетом установленных обстоятельств дела кассационный суд отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании, подтвердив законность принятых ранее решений. Однако данный случай подчеркивает противоречие между презумпцией осведомленности лица о записях в ЕГРН и фактической невозможностью получения информации без специальных действий. Также наблюдается коллизия между обязанностью гражданина защищать свои имущественные права и отсутствием эффективного механизма уведомления о существенных изменениях в сведениях об объектах недвижимости. В целом данный спор подтверждает применение субъективного срока исковой давности в случае

Специальные сроки исковой давности могут быть установлены законом. В частности, есть следующие специальные сокращенные сроки.

Три месяца - для перевода прав и обязанностей покупателя на участника долевой собственности при нарушении преимущественного права покупки (п. 3 ст. 250 ГК РФ).

Шесть месяцев – для оспаривания решения собрания и по требованию о понуждении заключить основной договор во исполнение предварительного.

Один год – для требований о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности и для требований о признании обязательной процедуры, конкурентной закупки, договора, заключенного по их результатам, недействительными и о

применении последствий их недействительности, с учетом положений ст. 17 Закона от 26.07.2006 N 135-ФЗ «О защите конкуренции» [21]. Как указывается в п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 N 2, данный срок исчисляется со дня заключения договора, если он не заключен - со дня завершения обязательной процедуры, конкурентной закупки, однако сокращенный срок не распространяется на требования об оспаривании соглашений, которые изменяют или прекращают договор, заключенный по результатам обязательной процедуры, конкурентной закупки [22].

Также один год применяется для требований в связи с ненадлежащим качеством работы, которая выполнена по договору подряда, за исключением требований в отношении зданий и сооружений (п. 1 ст. 725 ГК РФ), требований, которые вытекают из перевозки груза (п. 3 ст. 797 ГК РФ), а также в соответствии со ст. 13 Закона от 30.06.2003 N 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» требований, которые вытекают из договора транспортной экспедиции [4; 25].

Законом могут быть установлены более длительные сроки исковой давности по сравнению с общим сроком, например 20 лет. Он применяется в отношении исков о возмещении вреда, причиненного окружающей среде вследствие нарушений обязательных требований в соответствии с п. 3 ст. 78 Закона от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [26].

На основании представленного анализа можно заключить, что действующее правовое регулирование института исковой давности в гражданском праве основывается на дуалистической конструкции, включающей субъективный и объективный элементы, при этом особое значение приобретает персонализированное восприятие нарушения права конкретным субъектом. Общий срок исковой давности составляет три года с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении и о потенциальном ответчике, однако максимальный предельный срок ограничен десятью годами с момента самого нарушения, независимо от осведомленности. Помимо общего срока, законодательно закреплены

специальные, как сокращённые (например, три, шесть месяцев, один год), так и продлённые сроки (например, двадцать лет для исков, связанных с ущербом окружающей среде). Судебная практика подтверждает актуальность индивидуального подхода, а пример с изъятием имущества по антикоррупционным основаниям, рассмотренный Конституционным Судом, демонстрирует исключения, в которых исковая давность неприменима из-за публичного характера правового преследования.

2.2 Начало, приостановление, перерыв и восстановление сроков исковой давности

Начало течения срока исковой давности в гражданском законодательстве определяется исходя из сочетания субъективного и объективного критериев, что отражено в ст. 200 ГК РФ. Общим правилом устанавливается, что отсчёт давностного срока начинается с момента, когда управомоченное лицо узнало либо должно было узнать о факте нарушения своего права, а также о личности надлежащего ответчика. Данное субъективное обстоятельство ориентированно на учет реальных обстоятельств, связанных с осведомлённостью лица о нарушении, и тем самым позволяет избежать формального лишения права на судебную защиту в случаях, когда сам факт правонарушения оставался неизвестным. Данное правило применяется как к общему трехлетнему сроку исковой давности, так и к специальным срокам, если для последних законом прямо не установлены иные начала течения.

Вместе с тем законодатель выстраивает систему уточняющих норм, конкретизирующих момент возникновения давностного срока применительно к отдельным видам обязательств и сделок. Так, при обязательствах с определённым сроком исполнения течение давности начинается после истечения такого срока, а при обязательствах «по востребованию» — с момента предъявления кредитором требования. Для ничтожных сделок

установлен особый порядок: десятилетний срок отсчитывается с начала их исполнения. По регрессным требованиям течение исковой давности привязано к моменту фактического исполнения основного обязательства. Одновременно действует и ограничительный механизм в виде объективного десятилетнего предела, препятствующего бесконечному продлению возможности судебной защиты. В совокупности эти положения направлены на баланс интересов участников гражданского оборота.

Начало течения срока исковой давности в случаях перемены лиц в обязательстве не подлежит изменению, что прямо закреплено в ст. 201 ГК РФ и разъяснено в п. 3-6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43. Независимо от того, происходит ли замена органа юридического лица, передача полномочий между публичными образованиями либо правопреемство в порядке наследования или реорганизации, давностный срок исчисляется исходя из того момента, когда первоначальный правообладатель узнал или должен был узнать о нарушении своего права и о надлежащем ответчике. При ликвидации юридического лица решающее значение имеет осведомлённость самого субъекта до начала процедуры ликвидации, а не его ликвидатора или комиссии. Кроме того, если с иском обращаются государственные органы, органы местного самоуправления или иные уполномоченные субъекты в защиту интересов третьих лиц, момент начала течения срока привязывается к осведомлённости именно того лица, чьи права нарушены [23].

Особое регулирование предусмотрено для случаев, когда права затрагиваются у лиц, не обладающих полной дееспособностью. В такой ситуации отсчет исковой давности ведется не от момента осведомленности самого правообладателя, а со дня, когда о нарушении стало известно его законному представителю, включая органы опеки и попечительства. Однако в случае злоупотребления полномочиями самим представителем, срок начинает течь со дня, когда о нарушении узнало другое уполномоченное лицо, действующее добросовестно в интересах недееспособного. При

восстановлении или приобретении полной дееспособности течение срока связывается уже с осведомленностью самого правообладателя.

Приостановление течения срока исковой давности представляет собой особый правовой механизм, направленный на учет объективных обстоятельств, препятствующих своевременному обращению в суд за защитой нарушенного права. Законодатель прямо закрепляет исчерпывающий перечень таких оснований, среди которых выделяются: обстоятельства непреодолимой силы, участие стороны спора в вооруженных силах в условиях военного положения, введение правительственного моратория, временное приостановление действия нормативного акта, регулирующего спорное правоотношение, а также обращение участников к предусмотренным законом внесудебным процедурам урегулирования конфликта. Общим для данных ситуаций является невозможность для заинтересованного лица реализовать свое право на судебную защиту, что и обуславливает приостановление течения исковой давности до устранения соответствующего препятствия.

В исследовании Д.Г. Фильченко указывается, что «нередко досудебный порядок используется заинтересованными лицами как средство по предотвращению последствий истечения давностного срока, что далеко не всегда является правомерным и обоснованным» [45]. Однако, учет досудебного урегулирования споров суды признают в качестве основания для приостановления давностного срока только в том случае, если соблюден законодательный порядок досудебного примирения.

Особенностью приостановления является то, что оно применяется не во всякий момент срока исковой давности, а лишь тогда, когда соответствующие обстоятельства возникли либо продолжали действовать в течение последних шести месяцев срока, установленного для защиты права. Если же продолжительность давностного срока составляет шесть месяцев или меньше, приостановление допускается в течение всего периода. После устранения обстоятельства течение срока продолжается, при этом оставшаяся его часть в случае, если она меньше шести месяцев, увеличивается до полугода.

Необходимо разграничивать институт приостановления течения срока исковой давности и его прерывания. Если приостановление означает временное «замораживание» течения срока по объективным причинам, то прерывание связано с действиями должника, свидетельствующими о признании долга. К таким действиям могут относиться признание предъявленной претензии, заключение соглашения об изменении условий договора, просьба об отсрочке или рассрочке исполнения обязательства. В отличие от приостановления, прерывание полностью обнуляет прошедший период исковой давности и влечет начало течения нового срока, что существенно влияет на стратегию защиты прав кредитора в обязательственном правоотношении.

Приостановление и перерыв течения срока исковой давности представляют собой два самостоятельных правовых института, различающихся по своей природе и последствиям. Приостановление означает временное прекращение исчисления срока в силу объективных обстоятельств, препятствующих обращению в суд, при этом после устранения таких обстоятельств срок продолжается, и в расчет включается время, истекшее до их возникновения. Перерыв же, напротив, полностью обнуляет течение давностного срока: период, прошедший до момента его наступления, юридического значения не имеет, и отсчет срока начинается заново. Таким образом, различие между ними заключается в том, что при приостановлении сохраняется накопленный временной промежуток, а при перерыве он полностью утрачивает значение.

Действующее гражданское законодательство существенно изменило подход к вопросу о влиянии предъявления иска на течение давности. Если ранее такое действие рассматривалось как основание для перерыва, то в настоящее время законодатель закрепил, что с момента подачи иска и на протяжении всего периода судебного разбирательства течение срока исковой давности не осуществляется. Это положение сближает предъявление иска скорее с приостановлением, чем с перерывом, поскольку после завершения

судебной защиты течение срока продолжается в общем порядке, а не начинается заново. При этом указанное правило действует независимо от того, на какие нормы или обстоятельства сослался суд, и каким способом была обеспечена защита права.

Особое значение имеет регулирование случаев, когда иск оставлен без рассмотрения. В подобных ситуациях срок исковой давности, начавший течь до предъявления иска, продолжает исчисляться после вынесения соответствующего процессуального акта. Вместе с тем предусмотрены исключения: если иск оставлен без рассмотрения в уголовном процессе, течение срока приостанавливается до вступления приговора в законную силу. Кроме того, если к моменту оставления иска без рассмотрения оставшаяся часть срока составляет менее шести месяцев, она подлежит увеличению до полугода, за исключением случаев, когда прекращение судебной защиты обусловлено действиями или бездействием истца.

Как отмечает В.В. Груздев, «вследствие истечения исковой давности утрачивается самая возможность принудительного осуществления нарушенного права, а противостоящая последнему обязанность трансформируется в натуральную. Вместе с тем соображения добра и справедливости требуют уважения интересов управомоченного лица, пропустившего срок исковой давности по обстоятельствам, пусть и не являющимся основаниями приостановления срока, но объективно воспрепятствовавшим обращению в суд» [9].

Институт восстановления срока исковой давности в российском гражданском праве носит ограниченный и исключительный характер. Согласно разъяснениям Верховного Суда в п. 12 Постановления Пленума N 43, суд вправе признать уважительными причины пропуска срока лишь тогда, когда они непосредственно связаны с личностью истца – физического лица и подтверждены соответствующими доказательствами [23]. В то же время законодатель четко ограничивает сферу применения данной меры: восстановление невозможно в отношении требований, предъявляемых

юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, если они вытекают из их хозяйственной деятельности. Тем самым закрепляется различие между частными лицами и субъектами предпринимательства, для которых пропуск срока всегда влечет окончательные правовые последствия.

Для того чтобы суд удовлетворил ходатайство о восстановлении срока, необходимо одновременное наличие ряда условий. К числу таковых относятся сам факт пропуска установленного срока, исключительный характер обстоятельств, наличие объективно уважительной причины, а также то, что требование не связано с предпринимательской деятельностью и принадлежит физическому лицу. Кроме того, инициатива восстановления должна исходить от истца, который обязан заявить соответствующее ходатайство и представить доказательства, подтверждающие наличие оснований для восстановления.

Течения срока начнется заново, если после истечения срока давности должник признает в письменной форме свой долг, что может произойти в ходе досудебной процедуры. Примером такого свидетельства о признании долга может служить подписание акта сверки расчетов, что следует из судебной практики Арбитражного суда Московского округа в Постановлении от 06.09.2016 N Ф05-12250/2016 по делу N А40-220309/2015, в котором указано, что «доводы ответчика о пропуске истцом срока исковой давности были отклонены, поскольку в настоящем случае, 02.11.2015 сторонами подписан акт сверки взаимных расчетов, ответчиком в досудебном порядке указанная задолженность признана и не оспорена, при том, что течение срока исковой давности прерывается предъявлением иска в установленном порядке, а также совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга» [37]. В данном случае активная позиция субъектов спорного правоотношения при досудебном урегулировании спора позволило начать вновь течение истекшего срока давности в силу п. 2 ст. 206 ГК РФ, тем самым реализовав право на судебную защиту.

Таким образом, анализ положений гражданского законодательства позволяет заключить, что регулирование начала, приостановления, перерыва

и восстановления сроков исковой давности носит императивный характер, который не может быть изменен в договорном порядке. Течение давности, как общее правило, соотносится с моментом, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права; ее приостановление допускается лишь при наличии строго определённых законом обстоятельств, объективно препятствующих обращению за защитой; перерыв влечет полное обновление срока вследствие действий, свидетельствующих о признании долга или предъявлении иска в суд; восстановление же возможно в исключительных случаях и лишь применительно к требованиям физических лиц, когда пропуск срока обусловлен уважительными причинами; возобновление течения срока допускается лишь в случаях, когда после истечения срока исковой давности, лицо признает в письменной форме свой долг.

2.3 Последствия истечения исковой давности

Последствия истечения сроков исковой давности в гражданском праве представляют собой особый правовой механизм, направленный на установление пределов судебной защиты нарушенного права. При этом важно подчеркнуть, что истечение срока не аннулирует само материальное право кредитора, а лишь ограничивает возможность его защиты в принудительном порядке. Требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности

Последствия истечения сроков исковой давности в процессуальном аспекте носят корреспондирующие положения в ст. 198 ГПК РФ и ст. 170 АПК РФ, которые выражаются в том, что при наличии заявления стороны суд обязан отказать в удовлетворении иска, ограничив мотивировку указанием на установленный факт пропуска срока и отсутствие уважительных оснований для его восстановления [1; 6]. При этом, как поясняет Верховный Суд РФ, правовое значение имеет только заявление надлежащего ответчика, поскольку обращение ненадлежащей стороны с подобным возражением не влечет

применения давности (абз. 4 п. 10 Постановления Пленума ВС РФ N 43) [23]. В связи с этим, если иск предъявлен к ненадлежащему ответчику, отказ в его удовлетворении не может быть мотивирован пропуском срока давности, а должен опираться на иные процессуальные основания.

Гражданское законодательство не предусматривает требование к форме заявления о пропуске исковой давности, тем самым лицо может сообщить как в письменной, так и в устной форме под протокол. Также не конкретизируется стадия, т.е. можно заявить о пропуске давностного срока при подготовке дела к судебному разбирательству или непосредственно при рассмотрении дела по существу, а также в судебных прениях в суде первой инстанции, в суде апелляционной инстанции в случае, если суд апелляционной инстанции перешел к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции.

Также стоит отметить, что суд не обязан уведомлять не явившегося в судебное заседание истца о заявленном ответчиком ходатайстве о применении срока исковой давности. Данный вывод исходит из судебной практики, например в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.06.2023 по делу N 88-15754/2023 коллегия отклонила доводы кассационной жалобы о допущенных судом процессуальных нарушениях, выразившихся в неуведомлении о заявленном ответчиком ходатайстве о применении срока исковой давности, поскольку «истца была надлежащим образом извещена судом о дате и времени судебного заседания, в том числе в котором было принято обжалуемое судебное решение, письменно выразила волеизъявление о рассмотрении дела в ее отсутствие, доказательств, объективно препятствующих принять участие в судебном заседании, не представила... при этом на суд процессуальным законом не возложена обязанность уведомлять не явившуюся в судебное заседание сторону об указанном ходатайстве ответчика» [30].

В случае процессуального правопреемства повторное заявление о применении срока исковой давности или ходатайство о восстановлении срока

исковой давности не требуется, поскольку в силу ч. 2 ст. 44 ГПК РФ, ч. 3 ст. 48 АПК РФ для правопреемника обязательны все действия, совершенные в процессе до его вступления в дело [1; 6].

Вопрос о прекращении субъективного права кредитора решается через разграничение материального содержания права и его процессуальной защиты. Даже по истечении срока кредитор формально остается носителем права, однако его реализация в судебном порядке зависит от заявления должника о применении исковой давности. При отсутствии такого заявления иск может быть удовлетворен, что свидетельствует о сохранении права в материальном смысле. Более того, добровольное исполнение должником своих обязательств после истечения срока не подлежит оспариванию и возврату, что подтверждает устойчивость самого права при ослаблении процессуальных гарантий его защиты. В данном случае, как заключает В.В. Груздев, «признание нарушенного долга есть односторонняя сделка должника, направленная на подтверждение его обязанности перед данным кредитором по данному правоотношению. Кроме того, сделка признания долга дает суду достаточные основания полагать, что в соответствующий момент времени ответчик не отрицал свою обязанность, противостоящую нарушенному праву истца. В указанном качестве признание долга нивелирует основное последствие истечения исковой давности - утрату возможности принудительного осуществления нарушенного права. Вследствие признания долга неистекший срок исковой давности прерывается, а истекший – восстанавливается» [8].

Особое значение имеет вопрос о судьбе имущества, истребование которого связано с пропуском давностного срока. Если речь идет о денежных суммах, отказ в иске приводит к закреплению спорных средств за должником, что фактически прекращает право кредитора на них. В отношении индивидуально-определенных вещей ст. 234 ГК РФ предусматривает возможность приобретения права собственности фактическим владельцем на основании приобретательной давности.

Наконец, нормы о последствиях истечения сроков исковой давности распространяются также на дополнительные требования, непосредственно связанные с основным обязательством. Согласно положениям ст. 207 ГК РФ, давность по основному требованию влечет за собой утрату судебной защиты и для производных требований, таких как неустойка, проценты, убытки или обеспечение обязательств залогом и поручительством [4]. При этом данный перечень не является закрытым и может подлежать расширительному толкованию. Исключение составляет лишь независимая гарантия, обладающая самостоятельным характером.

Подводя итог, следует отметить, что истечение срока исковой давности имеет комплексные последствия как в материальном, так и в процессуальном аспектах. В материальном плане оно не прекращает субъективного права кредитора, однако лишает его возможности принудительной судебной защиты, одновременно закрепляя стабильность имущественных отношений и обеспечивая защиту должника от застарелых притязаний. В процессуальном измерении пропуск срока, при условии заявления об этом со стороны ответчика, служит основанием для отказа в иске, что прямо отражается в мотивировочной части судебного решения и исключает возможность удовлетворения требований, независимо от их правомерности по существу.

3 Практические аспекты применения института исковой давности

3.1 Проблемы применения норм об исковой давности в судебной практике

Проблематика применения норм об исковой давности в судебной практике занимает особое место в доктрине гражданского права, поскольку именно на стадии судебного разбирательства проявляются как достоинства, так и недостатки данного института. Следует подчеркнуть, что нормы об исковой давности носят универсальный характер и охватывают широкий спектр правоотношений, однако их реализация на практике нередко сопряжена с трудностями толкования и применения. В частности, вопросы, связанные с определением начала течения срока, основаниями его приостановления или перерыва, а также условиями восстановления, нередко вызывают неоднозначные подходы в судебных решениях. Кроме того, особое значение приобретает проблема баланса между правовой определенностью и справедливостью, что обуславливает необходимость анализа судебной практики для выявления типичных коллизий.

В ранее упомянутом Постановлении Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П рассматривался запрос Краснодарского краевого суда о проверке конституционности ряда норм Гражданского кодекса РФ, регламентирующих сроки исковой давности [36]. Поводом послужили апелляционные жалобы по делу о взыскании в доход государства имущества, приобретенного экс-должностным лицом с использованием коррупционных схем. Ответчики утверждали, что прокурором пропущен срок исковой давности, так как спорное имущество было зарегистрировано в ЕГРЮЛ задолго до предъявления иска. Однако суд первой инстанции отклонил эти доводы, указав на особую публично-правовую природу антикоррупционных исков и невозможность применения к ним института исковой давности,

поскольку это противоречит принципам справедливости и публичного интереса.

Конституционный Суд РФ пришёл к выводу о несоответствии ряда положений Гражданского кодекса конституционным принципам в той мере, в какой они допускают применение института исковой давности к требованиям прокурора об обращении в доход государства имущества, приобретённого в нарушение антикоррупционного законодательства. Такие иски по своей природе не могут рассматриваться как способ защиты гражданских прав, что делает применение исковой давности к ним неконституционным. Обосновывая данную позицию, Суд исходил из того, что подобные требования не преследуют цели восстановления нарушенного частного права, а направлены на защиту публичных интересов, в том числе интересов государства в обеспечении правопорядка, законности и искоренении коррупции как социально опасного явления [36]. Следовательно, квалификация таких исков как гражданско-правовых по своей природе и применение к ним института исковой давности является методологически и юридически некорректной.

Также Конституционный Суд акцентировал внимание, что коррупция подрывает принципы правового государства и представляет особую общественную опасность, а потому борьба с ней требует специальных правовых механизмов, включая возможность безсрочного изъятия противоправно нажитого имущества. Кроме того в Постановлении отмечено, что распространение правил об исковой давности на антикоррупционные требования влечёт за собой риск утраты государством возможности изъятия имущества, полученного незаконным путём, лишь по формальному признаку истечения времени. Это, в свою очередь, может способствовать сохранению в гражданском обороте активов, происхождение которых противоречит публичному порядку и принципам справедливости. Подобная правовая конструкция не только ослабляет антикоррупционные механизмы, но и подрывает доверие общества к институтам государства, а также к правосудию

как таковому. Следовательно, ограничение срока предъявления подобных требований — без учёта их особой публичной функции — представляет собой избыточное ограничение прав и свобод, не соответствующее требованиям соразмерности и необходимости, вытекающим из статьи 55 Конституции РФ [13].

На основании изложенного можно сделать вывод о существовании пробела в законодательной регламентации соотношения публичных и частноправовых механизмов защиты, особенно в части правового статуса «антикоррупционного иска» и его отграничения от классических гражданско-правовых исков. До вынесения настоящего постановления существовала неопределенность в судебной практике, порождавшая правовую неравномерность и подрывавшая принцип правовой определенности. Также выявлены коллизии между принципом стабильности гражданского оборота и необходимостью эффективной реализации антикоррупционных механизмов. В качестве возможного решения следует рассмотреть целесообразность закрепления в ГК РФ отдельного положения о неприменимости исковой давности к требованиям публично-правового характера, что обеспечит единообразие правоприменения и укрепит правовые гарантии в борьбе с коррупцией.

Рассматривая судебную практику по применению исковой давности, необходимо отметить особый подход в Определении Второго КСОЮ от 18.01.2024 по делу N 88-775/2024. Предметом рассмотрения стала жалоба на судебные акты, отказавшие истцу в удовлетворении требований о компенсационной выплате, неустойке и иных суммах, основанных на положениях закона об ОСАГО [28]. Основной правовой вопрос касался правильности исчисления срока исковой давности по требованию о компенсационной выплате, подаваемой в связи с причинением вреда здоровью в результате ДТП, при условии отзыва лицензии у страховой компании. Суды первой и апелляционной инстанций отказали истцу, указав на пропуск установленного трехлетнего срока, не приняв во внимание доводы заявителя

о наличии уважительных причин, а также факт его несовершеннолетия на момент возникновения спорных отношений.

Кассационный суд пришел к выводу о неправильном применении норм материального права, отметив, что начало течения срока исковой давности в рассматриваемой категории дел связано не с датой ДТП, а с моментом, когда потерпевшему стало известно о прекращении деятельности страховщика – в данном случае, о факте отзыва лицензии. При этом акцентируется внимание на том, что суды не учли заявление о восстановлении срока исковой давности, поданное истцом, который на момент ДТП не обладал полной гражданской дееспособностью. Кассационная инстанция указала, что нижестоящие суды проигнорировали как правовую позицию Конституционного Суда РФ, так и разъяснения Верховного Суда, предусматривающие восстановление сроков в исключительных случаях, особенно если заявитель был несовершеннолетним и не мог самостоятельно защищать свои права.

По итогам анализа представленного дела можно заключить, что в регулировании правоотношений, связанных с осуществлением компенсационных выплат в рамках ОСАГО, сохраняются неурегулированные аспекты. В частности, возникает правовая неопределенность в вопросе соотношения объективных сроков давности и субъективных обстоятельств, связанных с личностью потерпевшего. Наблюдаются пробелы в нормативном закреплении механизмов защиты прав лиц с неполной дееспособностью в сфере страхового возмещения, что приводит к неоднородности судебной практики и отклонению позиции судов общей юрисдикции от позиции Верховного и Конституционного Суда.

Другой случай связан с вопросом отнесении отдельных сроков, установленных в гражданском законодательстве, к исковой давности. В Определении Суда по интеллектуальным правам от 01.02.2024 по делу № СИП-425/2023 в центре рассмотрения спора находился вопрос о соблюдении истцом установленного законом порядка и сроков обращения в суд с требованием о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в

связи с его неиспользованием. ООО «ЭФКО Косметик» обратилось с иском к компании «Piramida 72» о прекращении охраны товарного знака по международной регистрации № 1400505, ссылаясь на его неиспользование в течение трех лет на территории РФ. Ответчик, в свою очередь, заявил ходатайство об оставлении иска без рассмотрения, указав на пропуск истцом 30-дневного срока обращения в суд, установленного п. 1 ст. 1486 ГК РФ. Суд согласился с доводами ответчика, указав, что нарушение сроков, предусмотренных данной нормой, делает невозможным рассмотрение иска без повторного соблюдения обязательного досудебного порядка [32].

В данном случае позиция Суда по интеллектуальным правам была строго привязана к букве закона, указав, что срок, предусмотренный абзацем четвертым п. 1 ст. 1486 ГК РФ, представляет собой не процессуальный и не исковой срок, а временной элемент досудебного порядка урегулирования спора, который не может быть восстановлен ни по правилам статьи 117 АПК РФ, ни по статьям 202-205 ГК РФ. Пропуск данного срока, в отсутствие предусмотренного законом механизма его восстановления, означает необходимость прохождения досудебной процедуры заново. Суд подтвердил, что только соблюдение формальной последовательности шагов, предусмотренных в статье 1486 ГК РФ (направление предложения, двухмесячное ожидание и последующее обращение в суд в течение 30 дней), допускает возможность рассмотрения иска по существу [5].

Анализируя правовую ситуацию в целом, можно отметить наличие нормативных пробелов и логических противоречий в регулировании порядка досрочного прекращения охраны товарного знака. Прежде всего, отсутствие механизма восстановления срока, входящего в обязательный досудебный порядок, вступает в противоречие с общими принципами доступа к правосудию и процессуальной экономии. Подобный подход затрудняет реализацию прав заинтересованных лиц, особенно в случаях, когда допущенное отклонение от срока было минимальным и объективно оправданным. Кроме того, наблюдается коллизия между формальной

регламентацией процедуры и сущностью спора, которая по своей правовой природе направлена на защиту интересов конкуренции и добросовестного использования исключительных прав. В связи с этим необходимо сформировать четкую позицию со стороны Верховного Суда РФ в отношении подобных сроков, которые не относятся ни к исковой давности, ни к процессуальным, определив их правовую природу и предназначение в целях правовой определенности и рационализации судебного правоприменения.

С.С. Егоров указывает, что «судебные акты применяют положения п. 2 ст. 206 Гражданского кодекса Российской Федерации, введенного в действие с 1 июня 2015 г., к гражданским правоотношениям, возникшим до указанной даты» [10]. В данном случае рассматривается несоответствие позиций судов положениям ст. 4 ГК РФ, закрепивших отсутствие обратной силы актов гражданского законодательства.

В Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24 мая 2022 г. по делу N 88-11019/2022 ключевым стал вопрос о применении сроков исковой давности к договору займа 2009 года и дополнительному соглашению 2018 года. Суды исследовали обстоятельства, связанные с заявлением ответчика о пропуске кредитором срока исковой давности, который, по мнению должника, должен был исчисляться с момента окончания первоначального срока возврата займа в 2009 году. Вместе с тем апелляционная инстанция исходила из того, что заключенное сторонами в 2018 году соглашение о пролонгации договора представляет собой письменное признание долга заемщиком, что в силу положений гражданского законодательства порождает новое течение исковой давности. Суд исходил из того, что копия соглашения в совокупности с другими доказательствами подтверждает факт признания долга и, следовательно, наличие правовых оснований для начала нового срока исковой давности [29]. Данное толкование фактически позволило суду признать требования кредитора своевременно заявленными, несмотря на значительный временной промежуток между моментом возникновения обязательства и обращением в суд.

В данном случае понятна позиция суда, поскольку соглашение, позволившее вновь начать течение срока исковой давности, было принято после введения п. 2 ст. 206 ГК РФ в 2015 году. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ в Определении от 29.07.2022 N 305-ЭС22-5294 указывает: «положения пункта 2 статьи 206 Гражданского кодекса о возможном течении срока исковой давности заново после признания должником в письменной форме суммы долга введены Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ "О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации", вступившим в действие с 01.06.2015, и с учетом пункта 2 статьи 2 указанного закона применяются к тем правам и обязанностям, которые возникнут после дня вступления в силу данного Федерального закона, если иное не предусмотрено данной статьей», в связи с чем на новом рассмотрении дела в суде первой инстанции требования истца о взыскании долга были удовлетворены [35].

Таким образом, в рассматриваемых делах неприменимость п. 1 ст. 4 ГК РФ, устанавливающего принцип недопустимости придания актам гражданского законодательства обратной силы, объясняется тем, что суды исходили не из изменения уже существовавших отношений по договору займа 2009 года, а из факта их подтверждения и актуализации новым соглашением сторон в 2018 году. Иными словами, правовое значение в данном случае придавалось не самому изначальному обязательству, а последующему письменному признанию долга должником, которое по своей сути квалифицируется как новое юридически значимое обстоятельство, порождающее возобновление течения исковой давности. В данном случае первоначальные обязательства 2009 года не подверглись ретроспективному регулированию, а напротив – в 2018 году возникло новое юридическое основание, подпадающее под действие уже действовавших на тот момент норм Гражданского кодекса, включая п. 2 ст. 206 ГК РФ. Следовательно, в логике суда речь шла не об обратном применении закона к прошлым отношениям, а о применении действующего регулирования к вновь

совершенным действиям сторон (признанию долга и заключению соглашения), которые и обусловили новый отсчет исковой давности.

С другой точки зрения данная позиция отражена в Определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2023 N 88-5123/2023, согласно которому «если сторона письменно в одностороннем порядке или в соглашении с другой стороной, подтвержденном в двустороннем документе, признает свой возникший из заключенного до 1 июня 2015 г. договора долг, исковая давность по которому не истекла на момент введения в действие Федерального закона от 8 марта 2015 г. N 42-ФЗ, однако уже истекла к моменту такого признания долга, то к отношениям сторон подлежит применению пункт 2 статьи 206 ГК РФ» [31]. Однако, в данном случае суд не согласился с применением судом первой и апелляционной инстанции п. 2 ст. 206 ГК РФ к соглашению сторон о устном признании долга в декабре 2021 года, поскольку законодательство требует письменной формы такого соглашения.

Возникновение противоположных точек зрения на действие п. 2 ст. 206 ГК РФ связано с различным толкованием вопроса о моменте, с которого следует применять данную норму, и о том, распространяется ли она на обязательства, возникшие до её вступления в силу. Одни суды исходят из того, что признание долга после 1 июня 2015 г. является самостоятельным юридическим фактом, который по своей природе формирует новое течение исковой давности, и потому к нему должны применяться действующие на этот момент правила независимо от того, истек срок давности к моменту признания или нет. Другие же суды исходят из принципа недопустимости придания гражданскому законодательству обратной силы (п. 1 ст. 4 ГК РФ), полагая, что применение п. 2 ст. 206 ГК РФ допустимо только в тех случаях, когда исковая давность не истекла на момент введения нормы в действие, иначе происходит фактическое «оживление» уже прекратившего судебную защиту требования, что вступает в противоречие с принципом правовой определенности.

Разрешить данную коллизию возможно путем более четкого законодательного закрепления переходных положений, касающихся действия п. 2 ст. 206 ГК РФ во времени. Представляется целесообразным на законодательном уровне уточнить, может ли письменное признание долга возобновлять исковую давность по обязательствам, срок давности по которым уже истек на дату вступления в силу Федерального закона № 42-ФЗ. Кроме того, устранению противоречий способствовало бы единообразное толкование со стороны Верховного Суда РФ в форме уточняющего положения в постановлении Пленума об исковой давности, в котором следовало бы закрепить единый подход к применению данной нормы, определив пределы её ретроактивности и правовую природу признания долга после истечения давностного срока.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что ключевыми проблемами применения норм об исковой давности являются сложности с определением момента начала её течения, неоднородность подходов к приостановлению и восстановлению сроков, а также разночтения в квалификации отдельных сроков как исковой давности либо процессуальных сроков. В практике судов общей юрисдикции и специализированных инстанций выявлены коллизии между принципом правовой определенности и необходимостью учитывать субъективные обстоятельства, например, осведомленность лица о нарушении права или его дееспособность. Дополнительные сложности возникают при рассмотрении публично-правовых требований, в частности антикоррупционных исков, где применение традиционных правил об исковой давности вступает в противоречие с задачей защиты публичного интереса. Кроме того, отсутствует единообразие в понимании ретроактивности отдельных норм Гражданского кодекса, что приводит к различным судебным решениям при сходных обстоятельствах. В совокупности данные проблемы указывают на наличие пробелов в законодательстве и необходимость дальнейшего совершенствования

правового регулирования с целью достижения предсказуемости и единообразия судебной практики.

3.2 Тенденции и перспективы развития института исковой давности в гражданском праве

Современное развитие института исковой давности в гражданском праве характеризуется наличием устойчивой тенденции к его переосмыслению в контексте обеспечения баланса между принципами правовой определенности и доступности судебной защиты. В условиях динамичного гражданского оборота и усложнения имущественных отношений возрастает значение гибкости правового регулирования, что проявляется в поиске оптимальных механизмов дифференциации сроков давности, уточнения оснований их приостановления и восстановления, а также в усилении роли добросовестности участников гражданских правоотношений. Кроме того, необходимо учитывать влияние предлагаемых изменений в законодательстве, практики Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, формирующих новые подходы к применению давностных сроков, в том числе в связи с признанием письменного признания долга и особенностями исчисления объективного и субъективного сроков. В этой связи изучение тенденций и перспектив дальнейшего развития института исковой давности позволяет выявить направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

В 2025 году в Государственную Думу был внесен законопроект № 677659-8 в части в части уточнения момента начала течения срока исковой давности при разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут [19]. Предлагаемый законопроект вносит уточнение в пункт 7 статьи 38 Семейного кодекса РФ, устанавливая, что трехлетний срок исковой давности по требованиям о разделе общего имущества супругов, брак которых расторгнут, начинается течь не с момента, когда бывший супруг узнал или

должен был узнать о нарушении своего права, а непосредственно с даты расторжения брака, тем самым, из законодательства исключается субъективный критерий осведомленности, что придает исчислению срока давности формально-объективный характер.

Данное изменение предполагает отход от гибкой модели, основанной на индивидуальной оценке обстоятельств, в пользу строгого правила о трехлетнем сроке исковой давности. Данное предложение направлено на устранение неоднородности судебной практики, уменьшить роль судейского усмотрения и повысить уровень правовой определенности в имущественных отношениях бывших супругов. Вместе с тем новый подход ограничивает возможность защиты прав тех лиц, которые объективно могли не знать о нарушении своего имущественного права после развода, и тем самым сужает сферу применения субъективного начала течения срока исковой давности.

С научной точки зрения, предложенный законопроект решает проблему правовой неопределенности, однако порождает новые вопросы. Установление фиксированного момента начала срока исковой давности одновременно игнорирует особенности конкретных ситуаций, когда интересы одного из супругов могли быть нарушены значительно позже расторжения брака. Такая жесткость нормы может повлечь ограничение доступа к судебной защите для добросовестных участников. Более сбалансированным вариантом представляется закрепление в законе дополнительной оговорки, допускающей исключения в случаях, когда бывший супруг не мог знать о нарушении права в момент развода, что позволило бы соединить принципы правовой определенности и справедливости.

Помимо законодательных инициатив, важное значение в исследовании тенденций развития института давностного срока имеет практика Верховного Суда РФ. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2025 N 38-КГ25-1-К1 проанализирован спор о земельном участке, выбывшем из государственной собственности в результате мошеннических действий. Министерство

имущественных и земельных отношений Тульской области заявило требования об истребовании участка и его снятии с кадастрового учета, тогда как ответчик настаивал на признании себя добросовестным приобретателем. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций признали доводы органа власти обоснованными, исходя из того, что имущество выбыло помимо воли государства, а потому может быть истребовано даже у добросовестного приобретателя [33].

Подход Верховного Суда к применению исковой давности оказался иным: коллегия указала, что нижестоящие суды неверно определили момент начала течения срока. Суд подчеркнул, что отправной точкой служит не факт вынесения процессуального решения в рамках уголовного дела, а момент, когда истец реально узнал или должен был узнать о нарушении своего права и о надлежащем ответчике. При этом на орган, заявивший иск, возложена обязанность доказывания этих обстоятельств. Такой подход усиливает акцент на материально-правовой природе исковой давности и ее связи с принципом осведомленности стороны о нарушении права.

Сформулированная правовая позиция фактически ограничила возможность формального связывания начала ее течения с процессуальными актами уголовного судопроизводства, подчеркнув необходимость анализа фактических обстоятельств, свидетельствующих об осведомленности истца. Приведенная позиция повышает предсказуемость правоприменения, но одновременно возлагает на суды обязанность более глубоко исследовать факты, определяющие момент возникновения права на судебную защиту, тем самым ориентируя практику на индивидуализированный подход и значение доказательственной базы при разрешении подобных споров.

Схожий подход был сформулирован Судебной коллегией по экономическим спорам в Определении от 14.08.2025 N 305-ЭС25-4071, где были разъяснены нюансы течения срока давности при взыскании компенсации по недействительной сделке. В рассматриваемом деле предметом спора стало взыскание компенсации за незаконное использование товарных знаков, права

на которые были отчуждены по договору, впоследствии признанному недействительным. Истец утверждал, что ответчик в период с декабря 2019 г. по декабрь 2020 г. получал выручку от реализации продукции с использованием спорных товарных знаков. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций признали требования истца частично обоснованными, однако Верховный Суд указал на необходимость проверки вопроса о соблюдении срока исковой давности, поскольку истец мог узнать о нарушении своего права значительно раньше – с момента регистрации договора в Роспатенте, а также в ходе подготовки и подачи первого иска о признании договора недействительным [34].

Подход Верховного Суда заключается в том, что течение исковой давности по требованиям о компенсации за нарушение исключительных прав должно определяться не датой судебного акта о недействительности сделки, а моментом фактической осведомленности правообладателя о нарушении. При этом Суд подчеркнул, что публикация сведений в открытых реестрах и инициирование истцом иного процесса по защите того же интереса являются обстоятельствами, указывающими на знание или обязанность знать о нарушении. Коллегия по экономическим спорам также отметила, что последовательность судебных споров не приостанавливает течение исковой давности по второму требованию, поскольку истец имел возможность заявить требование о компенсации ранее. Данное определение вносит значимые коррективы в понимание исковой давности применительно к делам о защите исключительных прав. Верховный Суд фактически отходит от узкой привязки начала течения срока к судебному признанию недействительности сделки, закрепляя более широкий подход, ориентированный на фактическую осведомленность истца.

Анализируя представленные позиции Верховного Суда и Государственной Думы, можно отметить некоторую разновекторность их деятельности. С одной стороны, депутаты Думы стремятся к объективному сроку исковой давности, мотивируя это стабилизацией гражданского оборота,

что прослеживается с введения данного срока в 2013 году. С другой стороны, Верховный Суд чаще устанавливает субъективный срок течения исковой давности, который суды предыдущих инстанций в недостаточной степени учли при принятии решений.

Помимо представленных позиций органов государственной власти, в доктрине существуют интересные к рассмотрению позиции по развитию института исковой давности. Например, в контексте обращений прокуроров о взыскании имущества по коррупционным делам, Е.В. Михайлова предложила следующую позицию: «целесообразно закрепить, что в делах, возбуждаемых по искам прокурора в защиту интересов государства, его субъектов и муниципальных образований, срок исковой давности начинает течь не с момента, когда уполномоченный орган публичной власти узнал или должен был узнать о совершенном правонарушении, а с момента, когда о нем стало известно прокурору», аргументируя это разделением дел гражданского оборота и дел, связанных с публично-правовым интересом [17]. В свою очередь, Д.В. Носов, А.В. Устинова предлагают более радикальный подход: «на требования, вытекающие из антикоррупционных исков, частноправовые положения об установлении сроков давности распространяться не должны и, следовательно, целесообразно толковать положения федерального законодательства тем образом, что срок исковой давности не распространяется на отношения, связанные с принудительным правопреемством при обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы при совершении коррупционных деяний» [18].

В данном контексте мы согласны с позицией С.А. Бочкарева: «буквальная имплементация института исковых сроков в сфере правоотношений по противодействию коррупции породила ряд парадоксов, о наличии которых готов заявить отраслевой уровень. Здесь свое слово способны сказать не только конституционные постулаты и политические

установки, но и цивилистика. Если у последней не выяснить отношение предусмотренных в ней сроков к коррупции и допустить их шаблонное применение к публичным правоотношениям, то абсурдов не избежать» [2]. В данном контексте мы видим тяготение доктринальных и ранее обозначенных из судебной практики материалов к более четкому регулированию со стороны законодательства течения сроков исковой давности в отношении антикоррупционных исков, а возможно и выделение их из категории исковой давности, в целях обеспечения интересов Российской Федерации и её общества вне зависимости от срока совершенного коррупционного преступления.

Также множество вопросов по специальной исковой давности в сфере трудового регулирования. Статьей 392 Трудового кодекса РФ определены сроки обращения работника за защитой своего права в различные инстанции [44]. Однако, отечественные ученые находят пробелы правового регулирования, к примеру некоторые из них отмечены в исследовании Н.С. Толкачева: «По своему существу срок обращения в КТС от сроков, предусмотренных статьей 392 ТК РФ, ничем не отличается, однако такому пониманию препятствует предусмотренное частью 2 ст. 390 ТК РФ право работника на обжалование решения КТС в суд в 10-дневный срок со дня вручения ему копии решения комиссии. В действительности в случае обжалования работником принятого КТС решения предметом судебного разбирательства будет не законность и обоснованность такого решения, а рассмотрение и разрешение трудового спора по существу. Таким образом, право работника, предусмотренное частью 2 ст. 390 ТК РФ, лишено содержания. Возможность обжалования решения КТС должна быть предоставлена только работодателю, поскольку в случае, если он не согласен с этим решением и не исполнит его в добровольном порядке, КТС выдает работнику удостоверение, являющееся исполнительным документом. На период рассмотрения трудового спора в КТС течение исковой давности должно приостанавливаться. Такой подход позволяет сформулировать

концепцию единого давностного срока для КТС и суда по всем трудовым спорам, за исключением тех, которые отнесены к непосредственной компетенции суда. Учитывая, что по спорам об оплате труда, которые не отнесены к непосредственной компетенции суда, давностный срок для КТС составляет три месяца, видится возможным его увеличение до одного года в целях соответствия с ч. 2 ст. 392 ТК РФ» [43].

Таким образом, современные тенденции развития института исковой давности демонстрируют разнонаправленность правотворческой и правоприменительной практики: законодатель ориентируется на формализацию и объективизацию момента начала течения срока, в то время как судебная практика, напротив, акцентирует внимание на субъективном критерии осведомленности стороны о нарушении права. В частности, анализ последних инициатив Государственной Думы, а также правовых позиций Верховного Суда РФ свидетельствует о попытке найти баланс между обеспечением правовой определенности и сохранением доступа к судебной защите. При этом доктринальные дискуссии указывают на необходимость особого регулирования исковой давности в сферах, связанных с публичным интересом (например, антикоррупционные иски) и трудовыми спорами, что отражает потребность в дифференцированном подходе. В целом, перспективы развития института связаны с поиском оптимального сочетания императивных правил и гибкости регулирования, что позволит минимизировать коллизии и обеспечить справедливое разрешение конфликтов в условиях усложняющегося гражданского оборота.

Заключение

В завершение проведенного исследования института исковой давности в гражданском праве следует отметить, что данная правовая категория занимает одно из ключевых мест в системе механизмов защиты субъективных прав и обеспечения устойчивости гражданского оборота. Давностные сроки представляют собой особое средство правового регулирования, имеющее как материально-правовое, так и процессуально-правовое измерение. С одной стороны, исковая давность ограничивает возможность принудительной защиты нарушенного права по истечении определенного срока, с другой – стимулирует участников гражданского оборота к своевременному и добросовестному осуществлению своих прав и обязанностей. Исследование позволило установить, что институт исковой давности выступает проявлением императивного и диспозитивного начала в гражданском праве, где фиксируется продолжительность сроков и основания их исчисления, однако предоставляется возможность сторонам влиять на их течение и пользоваться истечением давностного срока для отказа в иске.

Доктринальные подходы к определению понятия «исковой давности» свидетельствуют о множественности трактовок, где одни авторы рассматривают давность как институт, направленный исключительно на защиту интересов должника, другие акцентируют внимание на ее публично-правовой функции. Легальное определение характеризует исковую давность прежде всего как временной предел судебной защиты субъективного права.

Гражданское законодательство закрепляет общий и специальные сроки. Общий трехлетний срок выполняет функцию универсального регулятора гражданского оборота как субъективный срок, а десятилетний срок со дня нарушения права характеризуется как объективный срок. Специальные сроки ориентированы на учет специфики отдельных категорий споров, например, в сфере трудовых, корпоративных и страховых правоотношений.

Анализ норм о начале, приостановлении, перерыве и восстановлении исковой давности показал наличие сложной и многоуровневой конструкции, в которой законодатель стремится соединить принципы формальной определенности с учетом субъективных обстоятельств. Особое значение придается моменту начала течения срока, который традиционно связывается с моментом, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, что отражает субъективный характер защиты. Приостановление и перерыв сроков обеспечивают возможность учета объективных препятствий к обращению в суд, тогда как восстановление давности в исключительных случаях выступает гарантией справедливости. Подход Верховного и Конституционного Судов направлен на более гибкое толкование давностных норм, что свидетельствует о тенденции к индивидуализации судебной защиты.

Последствия истечения исковой давности носят принципиально материально-правовой характер, поскольку не прекращают самого субъективного права, но исключают возможность его судебной защиты при заявлении соответствующего возражения стороной.

Анализ судебных актов различных инстанций выявил неоднородность подходов, где суды нередко по-разному определяют отправную точку течения срока, связывая ее либо с фактом нарушения права, либо с моментом вынесения процессуального акта, либо с осведомленностью истца о нарушении. Вместе с тем выявленные тенденции свидетельствуют о стремлении судебной практики к большей индивидуализации применения исковой давности. Верховный Суд РФ последовательно подчеркивает значимость фактической осведомленности стороны о нарушении права, что ориентирует практику на субъективное начало течения срока.

Таким образом, поставленные цели и задачи достигнуты: изучены правовая природа, понятие и назначение исковой давности, охарактеризованы её виды и их правовое значение, рассмотрены особенности его течения, определены проблемы и проанализированы тенденции развития института исковой давности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 23.05.2025).
2. Бочкарев С.А. Институт исковой давности как несбывшаяся надежда коррупционеров // Журнал российского права. 2025. N 4. С. 104 - 121.
3. Васькина А. С. Генезис правовой регламентации института исковой давности // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2022. – № 1. – С. 9-11.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.01.2025).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 23.05.2025).
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 28.05.2025).
7. Гражданское право. Общая часть: учебник / Е.С. Болтанова, Н.В. Багрова, А.М. Рабец и др.; под ред. Е.С. Болтановой. Москва: ИНФРА-М, 2023. 515 с.
8. Груздев В.В. Признание обязанным лицом нарушенного долга // Журнал российского права. 2023. N 10. С. 43 - 54.
9. Груздев В.В. Судебное восстановление срока исковой давности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. N 8. С. 69 - 76.

10. Егоров С.С. Проблемы правоприменительной практики в области возобновления срока исковой давности // *Мировой судья*. 2024. N 12. С. 34 - 37.
11. Егорова А. А. История развития института исковой давности в российском гражданском праве // *Молодой ученый*. – 2024. – № 49 (548). – С. 477-479.
12. Жданова А.Н. Сроки в гражданском праве. Исковая давность: учеб. пособие. – Омск: ООО «Омскбланкиздат», 2023. – 106 с.
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // *Консультант плюс: справочно-правовая система*.
14. Манукян А. А. Правовые аспекты срока исковой давности // *Судебная система России на современном этапе общественного развития: Сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции, Ростов-на-Дону, 06 декабря 2024 года*. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс Ростовского государственного экономического университета, 2025. – С. 201-204.
15. Мартынюк Е. А. Анализ института давности в гражданском праве // *Вестник Академии управления и производства*. – 2024. – № 4-2. – С. 648-656.
16. Маслей С.Э., Невзгодина Е.Л. Сроки. Исковая давность: Учебн. пособие. Омск: Изд-во ОмГУ, 2022. 53 с.
17. Михайлова Е.В. К вопросу об исковой давности в делах с участием публичных образований // *Российский юридический журнал*. 2025. N 2. С. 132 - 142.
18. Носов Д.В., Устинова А.В. О сроках исковой давности при принудительном правопреемстве в случае обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы // *Хозяйство и право*. 2025. N 6. С. 18 - 33.

19. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 07.05.2013 N 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145981/ (дата обращения: 17.03.2025).

20. О внесении изменения в пункт 7 статьи 38 Семейного Кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Законопроект № 677659-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/677659-8> (дата обращения: 15.05.2025).

21. О защите конкуренции [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/ (дата обращения: 18.02.2025).

22. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 N 2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378656/ (дата обращения: 09.02.2025).

23. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 N 43 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378656/ (дата обращения: 20.04.2025).

24. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 28.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 13.02.2025).

25. О транспортно-экспедиционной деятельности [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30.06.2003 N 87-ФЗ (ред. от 18.03.2020). URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43006/ (дата обращения: 16.02.2025).

26. Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (дата обращения: 19.02.2025).

27. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.03.2024 N 88-5627/2024 по делу N 2-4532/2022 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

28. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2024 по делу N 88-775/2024, 2-5840/2022 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

29. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 24.05.2022 по делу N 88-11019/2022 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

30. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14.06.2023 по делу N 88-15754/2023 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

31. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.02.2023 N 88-5123/2023(2-753/2022) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

32. Определение Суда по интеллектуальным правам от 01.02.2024 по делу N СИП-425/2023 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

33. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 08.07.2025 N 38-КГ25-1-К1 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

34. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14.08.2025 N 305-ЭС25-4071 по делу N А40-4841/2024 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

35. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.07.2022 N 305-ЭС22-5294 по делу N А41-4434/2021 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

36. По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 N 49-П. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_489414/ (дата обращения: 13.02.2025).

37. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.09.2016 N Ф05-12250/2016 по делу N А40-220309/2015 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

38. Потеева А.В. Генезис исковой давности в России: обратный отчет // Российский судья. 2023. N 4. – С. 9 - 13.

39. Римское частное право: учебник для вузов / ответственные редакторы И. Б. Новицкий, И. С. Перетерский. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. 607 с.

40. Савин К. Г. Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве: дис. ... кандидата юридических наук. - Москва, 2019. 204 с.

41. Сайдумов Д. Х. Исторический путь развития законодательства о сроках в праве // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2024. – № 3(55). – С. 132-141.

42. Стролис Я. А. Исковая давность в системе-гражданско-правовых сроков // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 105-8. – С. 85-87.

43. Толкачев Н.С. Исковая давность по трудовым спорам во взглядах ученых: дискуссионные предложения по совершенствованию

законодательства о труде // Актуальные проблемы российского права. 2025. N 1. С. 121 - 130.

44. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 31.07.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 17.07.2025).

45. Фильченко Д.Г. Отдельные вопросы влияния досудебного урегулирования спора на течение срока исковой давности // Третейский суд. 2021. N 3/4. С. 300 - 309.

46. Энгельман И.Е. О давности по русскому гражданскому праву: Ист.-догмат. исслед. - Москва: Статут, 2003 (ППП Тип. Наука). – 509 с.